

ЦЕНТР АПОЛОГЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

...подвизаться за веру, однажды преданную святым (Иуда 3)

C-008

БЕЗ БОГА В СЕБЕ: исход из общины Раджниша

Дженнифер Флетер

Буддхам Шаранам Гаччхами

(Я припадаю к ногам Пробужденного)

Сангхам Шаранам Гаччхами

(Я припадаю к ногам общины Пробужденного)

Дхаммам Шаранам Гаччхами

(Я припадаю к ногам высшей истины Пробужденного)

Каждое утро и каждый вечер в общинах по всему миру ученики преклоняют колени в молитве и с благоговением распевают эти санскритские слова в честь Бхагавана Шри Раджниша, провозгласившего себя просветленным учителем. Только по благодати Божией я теперь свободна и могу писать эту историю о его организации и о моих безволии и глупости, которые сделали меня ее жертвой. Если бы я не спаслась из объятий Бхагавана, я бы по-прежнему находилась в плену идей дурного человека и философии, ведущей только лишь к отчаянию.

Это повесть о том, как я избрала своим учителем “волка в овечьих одеждах”, об аморальном учении, которое он проповедует, и о безнадежности и несчастье, которые мне достались в награду. Четыре года, кото-

рые я провела в качестве его *саньясин*, ученицы, стояли мне моих сбережений, моего дома, моей работы, и почти стояли мне разума и души.

В 1987 году в возрасте двадцати восьми лет, имея за плечами развод, я почувствовала беспокорство и неудовлетворение и начала искать выход. Несмотря на все проблески удачи, в моей жизни не было смысла, и я отправилась на его поиски. Только впоследствии я поняла, что моя настоящая проблема кроется в нежелании смириться с реальностью взрослой жизни. Дитя шестидесятых, возвращенная на мечтах и растворимом кофе, я была нетерпеливой идеалисткой. Раджниш предложил все, чего я искала, — немедленное озарение, возможность быть значимой, стать богом в новой Утопии.

Впервые с этим движением я познакомилась во время уикенда дзен-медитации, который проводила группа Раджниша в городе Лидс. Двое моих друзей, которые недавно к ним присоединились, пригласили меня, и я, из любопытства, пошла. В течение двух дней мы целыми часами сидели с завязанными глазами, скрестив ноги и избегая разговоров, стремясь ощутить Ничто. Это звучало безобидно, но физические неудобства в совокупности с угнетением чувств и изолированностью от окружающего мира приводили сознание в состояние дезориентации и незащитности, создавая тем самым идеальные условия для воздействия на человеческую психику, при помощи которого подобные культы вербуют себе последователей. К концу сеанса нам позволили снять с глаз повязки

НАШИ АДРЕСА:

РОССИЯ • 194044 С-Петербург, а/я 954, Центр Апологетических Исследований • E-MAIL: Russia@ApolResearch.org • <http://www.ApolResearch.org>
УКРАИНА • 01001 Киев-1 а/я В-92 Центр Апологетических Исследований • E-MAIL: Ukraine@ApolResearch.org • <http://www.ApolResearch.org>

и поудобнее лечь. Мгновенно пришло чувство облегчения, и когда я лежала, наполовину придя в себя, с совершенно пустым сознанием, зазвучала запись лекции Раджниша. Под действием этого гипнотического голоса, омывавшего мое подсознание, померкло всякое ощущение реальности. Свращение началось.

Месяцем позже я попала в “группу ознакомления” в Ньюкасле, Англия. Эксперименты Раджниша с так называемой “терапией” начались в 1970-х годах с прибытием в его индийский ашрам учеников с Запада, многие из которых участвовали в движении человеческих возможностей и были знакомы с новыми методами, предназначенными для того, чтобы пробиваться через запреты, условности и самоконтроль. Разработанные в центрах, подобных калифорнийскому Эссалену, эти методики основаны на предположении, что “истинную” природу человечества можно раскрыть, сбросив внешнее “Я” и позволив открыться богу, который находится внутри. Отлично подходящие истинным целям Раджниша, — ломать людей, а затем подчинять их своей воле — они нашли приют в рамках движения.

Когда я впервые пришла в группу, я ничего не знала об “ознакомлении”, но вскоре стало ясно, что я зашла дальше, чем предполагала. После короткого вступления руководитель велела нам раздеться и ползать по темной комнате, прикасаясь друг к другу. Потрясенная и неспособная пошевелиться, я, казалось, целую вечность сидела, полностью одетая, сжавшись в комок и отдергиваясь от прикасавшихся ко мне рук. Когда, в конце концов, зажегся свет, я почувствовала себя глупо и неудобно, сидя в одежде посреди комнаты, полной нагих людей, которые, уставившись, смотрели на меня. Наконец, руководитель с явной насмешкой сказала: “У тебя что, проблемы?” Я предпочла преодолеть условности и присоединилась к ним.

На следующий день, после того, как я слишком поздно вернулась с перерыва, руководитель мне сказала: “Ты снова отстаешь. Нас только что насильовали. Когда ты прекратишь упускать возможности для роста?” Я снова почувствовала себя маленькой и глупой, полной неудачницей. В последний день я уже была измотана; крики и визги, плач, дикие пляски и жестокая техника медитации Раджниша свели мою сопротивляемость к нулю. Наконец, я приняла участие в последнем упражнении “биоэнергетики беззаботности”. Здесь меня ждало последнее падение. Мы должны были в сидячем положении наклониться к стене, раскинув руки, и, когда мышцы перестанут нас держать, начать кричать. Вскоре все вопили, рычали и плакали. Я утратила всякое ощущение неудобства, все мое тело дико тряслось, зубы непроизвольно стучали. Руководитель мягко поставила меня на ноги и повернула лицом к большой фотографии Раджниша на стене. “Загляни ему глубоко в глаза, — сказала она. — Он знает ответ”.

Вовлечение было завершено. Через месяц я переехала в общину в Эдинбурге и в течение года бросила работу и поехала в Англию, в штаб-квартиру, чтобы начать свою новую жизнь в качестве ученицы. Вооружившись новым именем, обязательной одеждой красного цвета и *мала* — деревянными четками с изображением Раджниша — я погрузилась в жизнь общины. Окруженная такими же молодыми людьми, как и я, свободными от внешнего мира и необходимости принимать решения и удерживаемыми обещанием Утопии и божественности, я очень старалась быть хорошей ученицей. Мы работали минимум по двенадцать часов в день, семь дней в неделю, живя на низко белковой диете, в переполненных жилищах, не имея никакой возможности уединиться. Людям всех возрастов и обоих полов приходилось по утрам сражаться за места в душе,

стоять нагими в ожидании своей очереди почистить зубы, воспользоваться умывальником и посушить волосы. Супругам приходилось делить комнату с другими людьми. Многие из нас ложились спать с затычками в ушах и завязанными глазами, чтобы заснуть. Раджниш упразднил брак и ввел свободный секс, поэтому мы должны были часто менять партнеров. Впоследствии мне сказали, что я была “отстающей”, поскольку за четыре года, проведенных там, у меня было лишь два парня.

Постепенно стали сказываться суровые условия. Я сильно потеряла в весе, уверенность в себе и способность критически мыслить. Хотя я очень старалась вписаться туда, моя душа часто протестовала против происходящего. Я вспоминаю, например, свой шок, который я испытала услышав, как шестилетний мальчик рассказывает, что он узнал все о сексе, деля кровать с матерью в то время, как она услаждала своих любовников. Я помню выражение стыда, увиденное на лице девочки-подростка, моей соседки по комнате, когда она вернулась после того, как ее послали переспать с рок-звездой движения Раджниша. Она пошла к нему, пытаясь заработать деньги на поездку, чтобы увидеть Учителя. Я знала человека, который пришел с нами на первую ознакомительную группу, и который в течение шести месяцев оставил жену и детей, заложил семейный дом, чтобы заплатить за новые группы, и, в конце концов, облил себя бензином в саду своего друга в Дурхэме и чиркнул спичкой. Я была опечалена его смертью и тем, как мало внимания она привлекла, но в ответ неизменно звучало что-нибудь вроде: “Наш Учитель — только для сильных. Он был слаб. И в любом случае, такая у него была карма”.

Но я научилась не обращать внимания на свои сомнения, принимая индуистское учение, которое проповедовал Раджниш, о том, что эта реальность — иллюзия, что эта жизнь — одна из многих,

что причина страданий — карма, и что единственный выход из этого безнадежного круга — умереть просвещенным.

Я помню, как беременная женщина со слезами умоляла руководителя оставить ее в общине и позволить ей иметь ребенка. Ее поставили перед выбором — сделать аборт или уйти. После девяти лет зависимости она слишком боялась уйти и пожертвовала ребенком. Я знаю людей, которые предпочли общину лекарствам, женщин, которые стали проститутками, чтобы их оставили там, и многих, кто пошел на стерилизацию, чтобы доказать свою преданность Раджнишу и его указам.

Некоторое время я работала в английской школе, принадлежащей общине, куда “сваливали” детей учеников из Европы и со всего мира, чтобы освободить их родителей ради “их собственного роста”. Младенцы, подростки — этих нелюбимых детей просто бросали на произвол немилосердного режима с тяжелой работой и плохой пищей, с вкраплениями наспех слепленных уроков в классах без парт, книг и квалифицированных учителей. Младших детей загоняли в группы для уборки помещений, других — работать долгими часами в кухнях и прачечных. Я помню, как меня назначили присматривать за общежитием трех- и четырехлетних детей в ночное время. Через некоторое время после того, как выключили свет, маленький мальчик проснулся и заплакал, увидев во сне кошмар. Я включила свет и попыталась его успокоить. Увидев меня, он перестал плакать и с выражением полного одиночества на лице, которое, казалось, говорило: “Еще один чужой человек”, — в отчаянии закрыл глаза и отвернулся к стене. Старших детей заставляли ходить на занятия, где им рассказывали о СПИДе, поскольку поощрялись их как можно более ранние эксперименты в сексе. Втиснутые в одни общежития, лишенные родительской любви и

заботы, мальчики и девочки были предоставлены самим себе. Два года назад один мальчик повесился на дереве, потому что его подруга не позволила ему одеть ее одежду. Несмотря на широкое освещение в печати и на давление общественности, школа избежала закрытия.

Из школы меня направили во Фрейбург, Германия, затем в Базель, оттуда — в Цюрих, потом в Орегон, потом в Цюрих, а затем — в Берлин. Я все больше ощущала беспокойство и потерянность. Как-то ночью я проснулась и обнаружила, что нахожусь на балконе. Мое сознание было совершенно пусто. Я не знала, где я, как меня зовут, ночь это или день. Процесс моей ломки был почти закончен, но не совсем. Я ничего не помню об этом, но я написала письмо своим родителям, в котором были такие слова: “Моя жизнь была игрой в рулетку, и я, кажется, поставила не на тот номер”.

В это время до нас дошли известия о поразительных событиях в орегонской штаб-квартире. Сперва из прессы, а затем из первых рук, от бежавших саньясинов, мы услышали о том, что полиция раскрыла замысел последователей Раджниша отравить воду в близлежащем городе, чтобы помешать избирателям получить большинство на выборах, которые хотели выиграть они сами. Полиция также обнаружила на ранчо Раджниша склады оружия, подслушивающие устройства и потайные ходы. Сообщалось о двух покушениях на убийство. Раджниша арестовали по обвинению в уклонении от налогов, нарушении правил иммиграции, покушении на убийство и многом другом. Пока я пыталась переварить эти новости, похожие на сюжет плохого детектива, мне неожиданно приказали собираться. Мне предстояло ехать на три месяца работать на ранчо. Любой человек в здравом рассудке отказался бы ехать, но я не была в здравом рассудке. Я утратила

способность критически мыслить, и лишь тупо кивала головой, когда мне сообщили эту новость. Я позвонила родителям, чтобы рассказать им об этом. Именно этого они и ждали. Ничего мне не сказав, они вступили в группу противодействия культурам и с помощью специалистов разработали план моего спасения. Они немедленно предложили мне за их счет лететь самолетом через Шотландию и по дороге навестить их. Дисциплина в этой суматохе ослабла, и никто не стал возражать.

Неделю спустя я летела домой, нервно сжимая в руках тарелку с яичницей и запретным беконом и потягивая из бокала шампанское в страхе, что меня попросят за него заплатить; с собой я везла все свое мирское имущество — три фунта стерлингов, чемодан, полный старой одежды, и будильник.

О последующих днях у меня остались лишь смутные воспоминания: о том, как я купалась в любви своих родителей, в то время как они уговаривали меня отречься от Раджниша, об остром чувстве одиночества и страхе быть вдали от общины, перемешанном со странным нежеланием туда возвращаться. Чтобы убежать от этого конфликта я поселилась в коттедже моих родителей, который находился на земле моей лучшей подруги, но это лишь усилило противоречия, которые я начинала смутно ощущать. Я увидела, что у подруги было многое, от чего я отказалась, — дети, муж, дом, друзья, тогда как у меня не было ничего и никого. Вечерами, сидя у камина и прислушиваясь к завыванию ветра в дымоходе, я плакала от осознания одиночества и утраты. Я начала сомневаться в сделанном выборе. Когда однажды родители приехали и предложили мне поговорить с человеком, хорошо знакомым с движением Раджниша, я уже была только рада согласиться. Это был тот момент, которого они ждали, и за

который молились другие люди. Христианин, сам — бывший последователь Раджниша, этот человек бесплатно отдавал свое время жертвам культа, чтобы помочь им освободиться.

Я ничего о нем не знала, и не додумалась его расспросить, увлеченная лишь собой и возможностью без помех поговорить с этим добрым, ласковым человеком, который вроде бы проявлял такой интерес ко мне и к моим убеждениям. Я не заметила, что его тонко рассчитанные вопросы медленно, после четырехлетней спячки, возвращали к жизни мои мыслительные процессы и ставили меня перед явными противоречиями, заложенными в моих неоиндуистских верованиях.

Он неожиданно наступил на второй день — момент “пробуждения”, свидетельствующий о том, что узлы, держащие в плену жертву культа, разорваны. Когда я пыталась найти ответ на вопрос: “Откуда вы знаете, что ваши истинные “Я” безличны и богоподобны, и что осознать их можно только путем отречения от своей личности?” — до меня дошло, что я никогда об этом не думала. Я просто впитала в себя эту мысль, даже не задумавшись о вытекающих из нее следствиях. Затем, как мгновенное озарение, мне открылось, что, если эта идея ложна, то я избавлюсь от безнадежного стремления стать просвещенной! Не будет никакой необходимости в самоуничтожении ради достижения высшего уровня, не будет необходимости ухода из реальности путем медитации ради того, чтобы стать богом! Я снова могла бы стать обыкновенным человеком.

Я сказала: “Я не знаю. Вы имеете в виду, что просвещения не существует?” Мой собеседник покивал головой и улыбнулся. Мысли обрушивались на меня одна за другой. Будда, Махавир, Махариши Махеш Йоги, Кришнамурти — боги и гуру один за другим падали со своих пьедесталов. А затем, в конце концов, я увидела, как со своего трона в

моем сознании соскользнул Раджниш, маленький, жалкий и непохожий на человека.

Со вздохом я сняла *малу*, которую носила днем и ночью в течение четырех лет, и бросила ее в камин. Затем я увидела видение, настолько сильное, что теперь я его вижу так же ясно, как и тогда, но оно настолько прозаично, что я не знаю, стоит ли говорить о нем. Я видела, как бы с огромной высоты дома, магазины и дороги, полные легковых машин и грузовиков, и людей, повсюду спешащих по своим обычным делам, все связанные друг с другом общей человеческой природой, все равные. Я не видела ни одного бога или гуру! Мог ли этот мир, в конце концов, быть реальным?

Возвращение в него было долгим и болезненным. Восстановление сломанной личности требует времени и помощи. Это похоже на произведение искусства, которое создается годами труда и опыта, но которое недолговечно, как полотно, которое в считанные секунды может уничтожить нож вандала. Для исцеления разбитой злом души может понадобиться даже больше времени, и для этого не хватит человеческих сил.

Сначала я не хотела ничего слышать о религии. Я помню, что со мной происходило во время рождественского богослужения, на которое я пошла вместе с родителями, чтобы сделать им приятное. В боковом проходе я увидела крест, освещенный сзади. Когда я смотрела на него, что-то, казалось, манило меня к себе. “Приди”. Мои глаза наполнились слезами, которых я устыдилась, а затем я внезапно начала злобно шипеть: “Нет! Не я! Тебе меня не получить!”

Я сражалась с Иисусом Христом за каждый дюйм пути. Одураченная верой в шарлатана, имеющего девяносто четыре “Роллс-Ройсы” и употребляющего наркотики, я не хотела снова попасться на удочку. Я читала все, что могла найти о религиях, и неохотно пришла к выводу, что христианство является единственной рели-

гией, которая не избилует пробелами. Но меньше всего я хотела принимать веру, над которой уже привыкла смеяться. Самоуверенная и замкнутая на себе, “капитан своей души”, я не хотела сойти с моего собственного пьедестала и признать Господом Иисуса Христа.

В следующем году я представляла собой поле битвы противоборствующих сил. Несмотря на то, что я не хотела слышать об Иисусе, Он, казалось, не хотел сдаваться! Бесчисленные разговоры заставляли меня думать о Христе. Ничего не подозревая, я сняла комнату в квартире, где жили сотрудники молодежной христианской организации, которые были всегда готовы оживленно побеседовать. Однажды в автобусе пожилая женщина спросила меня: “Дорогая, вы сегодня читали Библию?” В кафе ко мне подседа женщина и начала говорить о своей вере и работе в церкви. Добрые друзья-христиане, от которых я отказалась, стали мне звонить; я чувствовала себя как под атакой! Но постепенно и неумолимо истина брала свое, и во мне родилась и начала расти крошечная вера.

Иисус Христос не вошел в мою жизнь в сиянии славы, под звуки труб, хотя и имел на это право. Я заставила Его мягко прокрасться с черного хода в терпеливом сотрудничестве с одним из самых ожесточенных Его противников, понемногу открывая Свою любовь и истину.

Не было драматического момента смирения перед Его волей. Иисус, мой истинный учитель, завоевал меня, верно выполняя все Свои обещания, и, через общение с Ним, Он исцелил мою душу, вернул мне нормальный рассудок и наполнил меня благодарностью, удивлением и смирением — странная судьба для того, кто собирался стать богом.

Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри — волки хищные.

Матфея 7:15